

З. А. Исмаилова

ПОВЕСТЬ ОБ УБИЙСТВЕ КНЯЗЯ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО: ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Резюме

В статье рассматривается летописное произведение, посвященное главному внутриполитическому событию во Владимирском княжестве 1174 г. — убийству князя Андрея Боголюбского. Задачами исследования этого произведения были выявить его состав, происхождение каждого составного элемента (церковное или светское), сохранность этих элементов в южном и северном русском летописании. Для выполнения поставленных задач были применены текстологический и историко-критический анализ, методы источниковедческой критики. В итоге автор пришел к выводам, что повесть об убийстве князя Андрея Боголюбского — это сложносоставное произведение, включающее житие князя и два светских рассказа о его убийстве (от одного из них сохранились только начало и отдельный фрагмент). Состав повести определил ее неоднородный характер — житийные элементы в ней переплетаются с летописными. Житие князя и рассказы о его убийстве были переработаны при включении их в южную и северную летописи. При этом летописцы приспособляли эти произведения к политическим интересам своего княжения.

Ключевые слова: повесть, летопись, житие, князь, убийство, Андрей Боголюбский, Владимир, Киев, текстология, Лаврентьевская летопись, Ипатьевская летопись, Кучковичи

Zuleyha Adil-kyzy Ismailova

THE TALE OF THE MURDER OF PRINCE ANDREI BOGOLYUBSKII: A TEXTUAL ANALYSIS

Abstract

The article considers a chronicle tale about the main internal political event in the Vladimir Principality in 1174 — the assassination of Prince Andrei Bogoliubskii. This study aims

© З. А. Исмаилова, 2023

to identify the composition of the tale, the origin of each element of its composition, the time when and the reasons why the tale was included in the chronicle. The study employs the methods of source criticism and of textual and historical-critical analysis. The author concludes that the tale of the murder of Prince Andrei Bogoliubskii is a composite work, which includes the Life of the prince and two secular stories about his assassination. Only the beginning and several separate fragments from one of these stories are preserved. The composition determines the heterogeneous style of the tale — the hagiographical elements are intertwined with the chronicle features. The Life of the prince and the stories about his murder were edited when they were included in the southern and northern chronicles (the *Hypatian Chronicle* and the *Laurentian Chronicle*). At the same time, the chroniclers adapted these texts to the political interests of each principality.

Keywords: chronicle tale, lives of saints, prince, murder, assassination, Andrei Bogoliubskii, Vladimir, Kiev, textual studies, Laurentian Chronicle, Hypatian Chronicle, Kuchkovichi

DOI 10.31860/2712-7591-2023-2-23-37

Повесть об убийстве князя Андрея Боголюбского сохранилась в наших древних летописях, Лаврентьевской и Ипатьевской, и давно привлекла внимание исследователей. К. Н. Бестужев-Рюмин полагал, что она была написана одним из приверженцев князя, вероятно Кузьмищей Киянином [Бестужев-Рюмин, с. 27]. Н. И. Хрущов считал, что повесть была создана «весьма скоро» после убийства Андрея Боголюбского, в 1175–1177 гг., и «по правдивости и живому изложению есть один из драгоценнейших памятников повествовательной литературы XII столетия» [Хрущов, с. 142–143].

Н. И. Серебрянский считал, что повесть имеет южнорусское происхождение и что в Ипатьевской летописи читается ее первоначальная, древняя, редакция, а в Лаврентьевской — сокращенная переработка. По мнению исследователя, повесть представляет собой «в полном смысле агиографический памятник, содержит в себе почти все признаки церковного жития», а образцом для нее послужил «летописно-житийный рассказ о св. Владимире». Составление повести Н. И. Серебрянский датировал периодом княжения Всеволода Большое Гнездо, после 1176 г. [Серебрянский, с. 56, 57, 59].

А. А. Шахматов не решал вопроса о времени возникновения повести, но считал, что ее составитель располагал «некоторыми древними записями», которые дополнил похвалой Андрею Боголюбскому и молитвами, вложенными в его уста [Шахматов, с. 76].

М. Д. Приселков считал, что повесть сложилась под пером составителя владимирского великокняжеского летописного свода 1177 г. [Приселков, с. 122]. Этой же точки зрения придерживался и современный исследователь летописей В. К. Зиборов [Зиборов, с. 103].

Согласно мнению Н. Н. Воронина, повесть была создана в 1174 г. по свежим следам боярского заговора, и ее автором был духовник Андрея Боголюбского и старейшина капитула Владимирского Успенского собора Микула. «Повесть отмечена ярко выраженным реализмом в освещении событий, живой наблюдательностью и вниманием к типичным обстоятельствам и деталям» [Воронин, с. 88, 97].

М. Н. Тихомиров обратил внимание на то, что повесть имеет сложный состав. Начало ее — это «церковная похвала Андрею, изображенному в виде мученика». Далее следует рассказ о самом убийстве [Тихомиров, с. 281].

Д. С. Лихачев подробнее остановился на вопросе о составном характере повести. Ее полный текст, сохранившийся в Ипатьевской летописи, по мнению исследователя, «очень неровен: с одной стороны, мы имеем отрывки, составленные в чисто житийной манере, а с другой стороны, отрывки довольно реального рассказа с обилием бытовых подробностей и живыми диалогами» [Лихачев 1947, с. 242].

О соединении в повести об убийстве Андрея Боголюбского двух элементов — житийно-панегирического некролога князю и реалистического рассказа о его убийстве — писали также И. П. Еремин [Еремин, с. 83] и В. П. Адрианова-Перетц [Адрианова-Перетц, с. 15–17].

А. Н. Насонов считал, что существовал общий архетип повести, который затем был сокращен в ее Лаврентьевской редакции и дополнен в Ипатьевской. Исследователь впервые обратил внимание на тот факт, что в Ипатьевской летописи сохранились две редакции рассказа об убиении Андрея Боголюбского, одна из которых не читается в Лаврентьевской летописи [Насонов, с. 152, 153].

По мнению Б. А. Рыбакова, первоначальной редакцией повести является Ипатьевская, а ее автором — Кузьмище Киянин, по профессии золотых дел мастер. Исследователь обратил внимание на то, что редакция Ипатьевской летописи содержит вставки — молитвы князя Андрея и рассказ о внутреннем убранстве владимирского Успенского собора. Он также отметил, что эта же редакция была рассчитана на киевского читателя, в отличие от редакции Лаврентьевской летописи. Историк подчеркнул и разность стилей, в которых написано произведение: «Литературная форма „Повести об убиении“ характеризуется умелым сочетанием двух разнообразных стилей — простого описательно-разговорного жанра и несколько приподнятого патетического тона церковных панегириков» [Рыбаков, с. 79–86, 90, 98–99].

В контексте русско-чешских литературных связей рассмотрел повесть об убиении Андрея Боголюбского Г. Ю. Филипповский [Филипповский].

В. В. Колесов писал, что «Повесть» — это синкретичное по характеру произведение, испытавшее влияние разных литературных жанров и, вероятно, имевшее трех авторов [Колесов].

Согласно взгляду Ю. В. Кривошеева, «Повесть», возможно, была написана «по свежим следам» — в течение двух ближайших лет после убийства Андрея Боголюбского. Исследователь не решал вопроса о соотношении двух редакций повести, но отметил, что в Ипатьевской редакции представлено наиболее полное изложение событий, дается их оценка. Наоборот, Лаврентьевская летопись дает сжатое изложение, по сравнению с текстом Ипатьевской новых сообщений в ней почти нет [Кривошеев, с. 42–43].

А. Ковалев посвятил повести специальное исследование и считал, что она была создана около 1176 г. Он отметил сложный состав повести, испытавшей влияние других древнерусских произведений: Сказания о Борисе и Глебе, Слова о законе и благодати Илариона, Повести об убийении князя Игоря и др., а также иностранного источника — жития Вацлава Чешского [Ковалев].

Т. Л. Вилкул также сосредоточила внимание на выявлении источников «Повести». Она считала, что в повести обнаруживаются заимствования из «Александрии Хронографической» [Вилкул, с. 70].

А. А. Бурькин присоединился к выводу Б. А. Рыбакова и полагал, что повесть появилась в 1174–1175 гг. и ее автором был Кузьмище Киянин, зодчий и золотых дел мастер. Первоначальной редакцией повести исследователь считал редакцию Лаврентьевской летописи, а редакция Ипатьевской летописи, по его мнению, была дополнена подмастерьем Кузьмища [Бурькин, с. 7, 12].

Новые данные для осмысления литературной и политической истории повести дает исследование А. А. Гиппиуса и С. М. Михеева, посвященное граффити с именами убийц Андрея Боголюбского, обнаруженному в Переславле-Залесском в 2015 г. [Гиппиус, Михеев, с. 63–68].

Таким образом, составной характер повести признан большинством ученых. Цель нашего исследования — выявить составные части повести, определить их характер (церковный или светский) и степень сохранности в северном и южном летописании. Средствами достижения цели были текстологический анализ, основы которого изложены в знаменитом труде Д. С. Лихачева «Текстология» [Лихачев 1983], а также методы источниковедческой критики.

В своем полном виде повесть дошла до нас в составе Ипатьевской летописи [Летопись, с. 394–403]. Начало повести — это обычная летописная статья: «В лето 6683. Убыень бысть великий князь Андрей Суждальский,

сынъ Дюрдева, внукъ Володимеря Мономаха, *месяца юня въ 28 день, канунъ святыхъ Апостол, день бе тогда субота. Создалъ же бяшетъ собе городъ каменъ, именовъ Боголюбый, толь далече якоже Вышегородъ от Киева, такоже и Богълюбый от Володимеря*» [Летопись, с. 394—395].

Выделенный курсивом текст отсутствует в Лаврентьевской летописи, в которой повесть в целом значительно сокращена — более чем в два раза [ПСРЛ 1897, с. 348—352]. Б. А. Рыбаков объяснил, почему этого текста нет в Лаврентьевской летописи [Рыбаков, с. 79]. В нем сказано о городе Боголюбове, что он находился на таком же расстоянии от Владимира, как Вышгород от Киева. Это географическое сравнение было интересно жителю Киевской земли и совсем безынтересно жителю Северо-Восточной Руси, который прекрасно знал, где находился Боголюбов. Поэтому северный летописец и выпустил его. Но можно допустить и то, что этого замечания не было в общем протографе обеих редакций повести, и оно появилось только в Ипатьевской редакции.

После этого и в Ипатьевской, и в Лаврентьевской летописях идет *житие* князя Андрея Боголюбского. В Лаврентьевской летописи летописная статья об убийстве князя и его житие отделены друг от друга фразой: «...убьенье же его (Андрея Боголюбского. — *З. И.*) последи скажемъ» [ПСРЛ 1897, с. 348]. Такой прием летописца всегда говорит о вставном характере последующего текста. Этим последующим вставным текстом и является *житие Андрея Боголюбского*. Оно представляет собой самостоятельное произведение.

Начало жития вполне традиционное: «Сый благоверный и христьлюбивый князь Аньдрей отъ млады верьсты Христа возлюбивъ и Пречистую Его Матерь...» [Летопись, с. 395]. Но далее в житии содержатся такие подробные и достоверные сведения, что превращают его фактически в документальный отчет о церковно-строительной деятельности князя. Рассказывается о строительстве церкви в Боголюбове: «...церковь преславному Святыя Богородица Рожества, посреде города, камену, создавъ Боголюбомъ, и удивлю паче всихъ церквий... и украси ю иконами многоценьными, златомъ и каменемъ драгимъ и жемчугомъ великимъ безъценьнымъ, и устрои е различными цятами и аспидными цатами украси, и всякими узорочьи удивлю, светлостью же некако зрети, зане вся церкви бяше золота; и украсивъ ю и удививъ ю сосуды златыми и многоценьными, тако яко и всимъ приходящимъ дивитися, и вси бо видевшие ю не могутъ сказати изрядныя красоты ея: златомъ и финиптомъ и всякою добродетелью и церковнымъ строеньемъ украшена, и всякими сосуды церковными, и ерусалимъ златъ, с каменны

драгими, и репидии многоценьными, канделы различными, издну церкви отъ верха и до долу, и по стенамъ и по столпомъ ковано золотом, и двери же и ободверье церкви златомъ же ковано, бьашеть же и сень златомъ украшена отъ верха и до деисуса, и всею добродетелью церковною исполнена, изъмечтана всею хытростью» [Летопись, с. 395].

Далее следует не менее подробный рассказ о каменном строительстве во Владимире, о сооружении, внутреннем и внешнем убранстве владимирской Успенской церкви: «Князь же Андрей бе городъ Володимеръ силно устроилъ, к нему же ворота золотая доспе, а другая серебромъ учини. И доспе церковь камену сборъную Святыя Богородица, пречудну велми, и всеми различными виды украси ю от злата и сребра, и 5 верхов ея позолоти, двери же церковныя трое золотомъ устрои, каменьемъ дорогымъ и жемьчюгомъ украси ю многоценьнымъ, и всякими узорочьи удиви ю, и многими пониканделы золотыми и серебряными просвети церковь, а онъбонъ отъ злата и сребра устрои, а служебныхъ судъ и рипидьи и всего строенья церковнаго, златомъ и каменьемъ драгимъ и жемчюгомъ великимъ, велми много, а 3-е ерусалими велми велиции, иже от злата чиста, от камня многоценьна устрои, и всеми виды и устроеньемъ подобна быста удивлению Соломонове Святая Святыхъ; и в Боголюбомъ и в Володимере городе верхъ бо златомъ устрои, и комары позолоти, и пояс златом устрои, каменьемъ усвети и столп позлати изовну церкви, и по комаромъ же поткы золоты и кубкы и ветрила золотомъ устроена постави, по всей церкви и по комаромъ около. Посемъ же иныи церкви многы камены постави различные, и монастыре многи созда» [Летопись, с. 394–396].

Такая обстоятельность и подробность житийного рассказа явно указывает на его достоверность. Н. Н. Воронин, посвятивший повести об убийстве Андрея Боголюбского отдельное специальное исследование, отметил: «Ее (повесть. — *З. И.*) открывает не знающий себе равных в русском летописании текст о строительстве Андрея во Владимире и Боголюбове. Его подробность и документальность может быть сопоставлена только с позднейшим описанием построек Холма в Галицко-Волынской летописи. Так осветить примечательные детали владимирской архитектуры мог только свидетель сооружения этих храмов, человек, хорошо знавший весь состав их драгоценной утвари. Это, конечно, не пришелец, а владимирский старожил» [Воронин, с. 83].

Таким образом, автор жития князя Андрея Боголюбского использовал для своего произведения обычный агиографический образец, но внес в него столько детальных подробностей о церковно-строительной деятельности князя, что фактически изменил его жанр. *Житие* стало похоже на доку-

ментальный отчет. В то же время в нем отсутствуют некоторые элементы, необходимые для агиографического жанра: не сказано о родине и родителях князя Андрея, его детстве и юности, нет прижизненных и посмертных чудес, связанных с его личностью.

Исходя из этого житие Андрея Боголюбского нельзя признать типичным агиографическим памятником, как определил его жанр Н. И. Серебрянский. По мнению И. П. Еремина, это что-то среднее между житием и повестью — повесть, написанная в агиографическом стиле [Еремин, с. 85].

В Лаврентьевской летописи житие значительно сокращено [ПСРЛ 1897, с. 348—349]. Но в нем есть дополнительное указание о Владимирской Успенской церкви: «...в ней же чудотворная Мати Божия, к ней же вси хрестьяне съ страхомъ пририщюще и с верою исцеления приимають» [ПСРЛ 1897, с. 349]. Это указание может быть поздней вставкой. Но вполне возможно и то, что оно содержалось в изначальном тексте жития и было выпущено киевским летописцем как прославлявшее соперничавший с Киевом Владимир. На позднюю переработку жития в составе Ипатьевской летописи однозначно указывает известие о пяти верхах Владимирской Успенской церкви. В действительности церковь при Андрее Боголюбском была одноглавой, пятиглавой она стала только при его преемнике — князе Всеволоде Большое Гнездо.

После жития следует рассказ об убийстве князя Андрея Боголюбского. В Ипатьевской летописи он отделен от жития фразой: «Мы же на преднее възвратимся» [Летопись, с. 397]. «Преднее» — это летописная статья под 1175 г., в которой сказано об убийстве князя и о том, что он основал город Боголюбов. Летописец сказал, что теперь он переходит от *жития* к рассказу о самом убийстве. Вот этот рассказ: «Се же бысть въ пятницу, на обедни, съветь лукавы и пагубоубийственный. И бе у него Якимъ слуга възлюбленный имъ, и слыша отъ некого, аже брата его князь велел казнить, и устремися дьяволимъ научениемъ, и тече вопия къ братьи своей, къ злымъ съветникомъ, якоже Июда к Жидомъ, тьсняся угодити отцю своему сотоне; и почаша молвити: „день того казнилъ, а насъ завтра; а промыслимы о князе семъ“. — И совещаща убийство на ночь, якоже Июда на Господа. И пришедъши нощи, они же устремивъшеся поймавше оружья, поидоша на нь яко зверье сверъпии; и идушимъ имъ к ложници его, и прия е страхъ и трепеть и бежаша с сений, шедше в медушу и пиша вино; сотона же веселяшетъ е в медуши и служа имъ невидимо, попевая и крепя е, якожеся ему обещали бяхуть; и тако упивъшеся виномъ поидоша на сени» [Летопись, с. 397—398].

Этого рассказа нет ни в Лаврентьевской летописи, ни в других летописях XV—XVI вв. Он сохранился только в Ипатьевской летописи. В нем

названа причина убийства князя — казнь им одного из Кучковичей, брата Якима. В харатейных же летописях, по справедливому замечанию Н. М. Карамзина, «нет ни слова о причине злодейства» [Карамзин, стб. 11, примеч. 21]. Еще одна отличительная деталь рассказа Ипатьевской летописи — распятие заговорщиками вина в княжеской медуше, о чем более нигде не говорится.

Далее в Ипатьевской летописи читаем: «Началникъ же убийцамъ бысть Петръ Куцьковъ зять, Анбалъ Ясинъ ключникъ, Якимъ Кучьковичъ, а всихъ неверныхъ убийць 20 числомъ, иже ся бяху сняли на оканный съветъ томъ дни у Петра у Кучкова зятя» [Летопись, с. 398].

Совсем неясно, зачем после того, как летописец сказал, что заговорщики «поидоша на сени», он стал называть их поименно, начиная с их «начальника». Логика рассказа требовала продолжения повествования — о приходе заговорщиков к княжеским покоям, вступлении их в покои, начале борьбы с князем и т. д. Но вместо всего этого мы читаем имена заговорщиков и *повторное* известие об их совете, на котором они решили убить князя. Складывается полное впечатление, что перед нами не продолжение прежнего рассказа, а *начало* нового.

Но это не самое его начало. *Самое* же начало отыскивается в Лаврентьевской летописи: «Убьенъ же бысть месяца июня в 29 день, на память святою апостолу Петра и Павла, в субботу на ночь» [ПСРЛ 1897, с. 350]. Далее — известный текст: «Началникъ же убийцамъ бысть Петръ Куцьковъ зять...» Соединенные части представляют собой связное, последовательное изложение. О том, что это *единый* текст, говорит его логичность и последовательность, а также то, что он в своем *цельном* виде обнаруживается в поздней — Львовской — летописи: «И убиенъ же бысть в субботу на ночь, месяца июня 29, на память святыхъ апостол Петра и Павла. Началникъ же убийцамъ Петръ, Кучковъ зять...» — и далее — перечисление имен заговорщиков [ПСРЛ 1910, с. 128].

Итак, в составе Ипатьевской летописи обнаруживается не один, а *два самостоятельных отдельных* рассказа об убийстве князя Андрея Боголюбского. Первый рассказ является *уникальным* — нигде более не встречающимся, с указанием причины убийства Андрея Боголюбского, с явною отличительною деталью о распятии заговорщиками вина в княжеской медуше. Отыскать продолжения этого рассказа нам не удалось.

Второй рассказ имеет продолжение: «Постигъши бо ночи субботнии, на память святою апостолу Петра и Павла, возьмьше оружье, яко зверье диви пришедшимъ имъ к ложници, идеже блаженный князь Андрей лежитъ...» [Летопись, с. 398]. Далее рассказывается о том, как заговорщики вломи-

лись в княжеский покой, как они боролись с князем и наносили ему удары мечами, саблями и копьями, как затем ушли, а еще живой князь смог выйти из покоев и добраться до сеней. «Они же слышавше гласъ (князя. — *З. И.*), возвратишася опять на нь. И стоящимъ имъ, и рече одинъ: „стоя видихъ яко князя идуща съ сений доловъ“; и рекоша: „смотрите его“; и текоша позоровати его, оже нетуть, идеже его отошли убивше; и рекоша: „то ть есме погибохомъ, вборзе ищите его“. И тако въжегъше свечи налезосоша и по крови. Князь же узревъ я идуща къ себе, и въздевъ руце на небо помолися Богу, глаголя... (далее — три весьма пространные молитвы князя. — *З. И.*). И то ему глаголавшу и моливъшюся о гресехъ своихъ к Богу, и седющю ему за столпомъ въсходнымъ, и надолзе ищющимъ его, и узреша и седяща яко агня непорочно, и ту оканъни прискочиша и, Петръ же отъя ему руку десную» [Летопись, с. 398–399].

Рассказ продолжается и далее содержит насыщенную и эмоциональную сцену с Кузмищей Киянином: «И тече на место Кузмище Киянинъ, оли нетуть князя, идеже убьенъ бысть; и почаша прошати Кузмище: „где есть убить господинъ?“ И рекоша: „лежить ти выволочень в огородъ; но не мози имати его, тако ти молвять вси, хочемы и выверечи псомъ; ожеса кто приметъ по нь, тотъ нашъ есть ворожьбитъ, а и того убьем“». И нача плакати надъ нимъ Кузмище: „господине мой! какое еси не очютилъ скверныхъ и нечестивых пагубоубийственныхъ ворожьбитъ своихъ, идущихъ к тебе, или како ся еси не домыслилъ победити ихъ, иногда побежая полкы поганыхъ Болъгаръ?“ и тако плакася и. И прииде Амбалъ ключникъ, Ясинъ родомъ, тотъ бо ключъ держашеть у всего дому княжа, и надо всеми волю ему даль бяшеть, — и рече възревъ на нь Кузмище: „Амбале вороже! сверзи коверъ ли что ли, что постылати или чимъ прикрыти господина нашего“. И рече Амбалъ: „иди прочь, мы хотимъ выверечи псомъ“. И рече Кузмище: „о еретиче! уже псомъ выверечи? помнишь ли, жидовине, въ которыхъ порътехъ пришелъ бяшеть? ты ныне в оксамите стоиши, а князь нагъ лежитъ; но молютися, сверъзи ми чтолюбо“ — и сверже коверъ и корзно; и обертевь и, несе и въ церковь. И рече: „отомъкнете ми божницу“. И рекоша: „порини и ту въ притворе, печаль ти имъ“; уже бо пьяни бяхуть. И рече Кузмище: „уже тебе, господине, паробъци твои тебе не знаютъ...“ И тако положивъ и въ притворе у божницы, прикрывъ и корзьномъ, и лежа ту два дни и ночи. На третий день приде Арьсений игумень святою Кузмы и Демьяна, и рече: „долго намъ зревшимъ на старейшие игумены, и долго сему князю лежати? отомъкнете божницу, да отпою надъ нимъ, вложимы и любо си в буди, любо си в гробъ, да коли престанеть злоба си, да тогда пришедъ из Володимеря и понесуть и тамо“» [Летопись, с. 400–401].

В Лаврентьевской летописи рассказ значительно сокращен. В нем опущены подробности, распространения, а также самые позорные для заговорщиков и церковников Боголюбова моменты, характеризующие их отношение к убитому князю, — вся сцена с Кузмищей Киянином, содержащая известие о том, что тело убитого князя заговорщики бросили в огород, а затем хотели бросить его псам; отказ боголюбских священников отворить церковь и принять убитого князя; известие о том, что они были пьяны, когда пришел Кузмище и принес тело князя в церковный притвор. Тело убитого князя два дня и две ночи лежало непогребенным в притворе, прикрытое только «корзном» (плащом). Все эти сцены были опущены владимирским летописцем вполне сознательно — чтобы смыть со своих сограждан позорное пятно непочтительного отношения к убитому государю.

Пропущен в Лаврентьевской летописи и намек на участие в заговоре владимирцев: заговорщики после убийства князя «скупыша полкъ, и послаша къ Володимерю: „ти што помышляете на насъ? а хочемъ ся с вами коньчати; не нас бо одинехъ дума, но и о васъ суть же в той же думе“» [Летопись, с. 400].

Рассказ заканчивается известием о грабежах княжеского имущества, причем известие это в Ипатьевской летописи дублируется, на что первым обратил внимание Д. С. Лихачев [Лихачев 1947, с. 243]. Сначала сказано кратко, с оттенком эмоциональности: «И разидошася и вьлегоша грабить, страшно зрети» [Летопись, с. 400]. Затем, после сцены с Кузмищей Киянином и известия о погребении князя, о грабежах говорится подробнее: «Горожане же Боголюбьци разграбиша домъ княжъ, и делатели, иже бяху пришли к делу, золото и серебро, порты и паволокы, имение, ему же не бе числа; и много зла створися в волости его...» [Летопись, с. 402].

В Лаврентьевской летописи о грабежах сказано только один раз — начиная со слов: «Горожане же Боголюбьскыи...» [ПСРЛ 1897, с. 351]. Краткого известия о грабежах в ней нет. Вспомним, что первого рассказа об убийстве Андрея Боголюбского в Лаврентьевской летописи также нет. Возможно поэтому, что краткое известие о грабежах, читаемое только в Ипатьевской летописи, является частью, осколком первого рассказа об убийстве князя, сохранившегося в той же летописи. Можно предположить, что в руках у составителя Ипатьевской летописи было *два* рассказа об убийстве князя Андрея, которые он комбинировал, но предпочтение отдавал второму рассказу. В руках у составителя Лаврентьевской летописи либо не было первого рассказа об убийстве князя, либо он был, но летописец проигнорировал его полностью.

Рассказ о перенесении тела убитого князя из Боголюбова во Владимир в Ипатьевской летописи также содержит эмоциональную сцену: «И бысть по мале времени, и поча выступати стягъ отъ Боголюбого, и людье не мо- гоша ся нимало удержати, но вси вопьяхуть, от слезъ же не можаху про- зрети, и вопль далече бе слышати. И поча весь народъ плача молвити: „уже ли Киеву поеха, господине, в ту церковь, теми Золотыми ворота, ихъ же делать послалъ бяше той церкви на велицемъ дворе на Ярославле, а река: хочю создати церковь таку же, ака же ворота си Золота, да будетъ память всему отечеству моему?“ и тако плакася по немъ весь градъ» [Летопись, с. 402–403].

Рассказ этот является вставкой. Перед ним читаем: «И створи тако Феодуль игумень... с Володимерце ехаша по князь во Боголюбое, и взявше тело его привезоша Володимерю, со честию, с плачемъ великымъ» [Летопись, с. 402]. А после него: «И спрятавше тело его съ честию и с писньми благо- хвалными, положиша его... у святое Богородице Златоверхой, юже бе самъ создалъ» [Летопись с. 403]. Таким образом, получается связный логический текст. В этот текст и был включен наш рассказ.

В Лаврентьевской летописи этого рассказа нет, а читается только крат- кое известие о погребении Андрея Боголюбского: «Феодуль же игумень (...) с Володимерци ехаша по князя в Боголюбое, и взявше тело его в 5 день, в четвертокъ, привезше его в Володимерь с честию, положиша и... у святыхъ Богородици Златоверхое, юже бе самъ создалъ» [ПСРЛ 1897, с. 351].

Это подтверждает вывод А. Н. Насонова о существовании общего про- тографа повести об убийстве Андрея Боголюбского: в Лаврентьевской лето- писи этот протограф сокращался, а в Ипатьевской, наоборот, дополнялся. Но в данном случае можно говорить о протографе не всей повести, а только одного рассказа об убийстве князя.

Вполне понятно, почему в Ипатьевской летописи читается рассказ о плаче владимирцев, которые в своем плаче-причитании сравнивали Вла- димирскую церковь с киевскими Золотыми воротами. Это сравнение про- славляло стольный град Киев — и, заметим, *устами владимирцев!*

Затем следует завершение — в житийном стиле: «Радуешися, Андрею, княже великий... молися помиловати братью свою...» [Летопись, с. 403]. В Лаврентьевской летописи окончание немного другое: «Радуешися, Ан- дрею, княже великий... молися помиловати князя нашего и господина Все- волода... съ княгынею и съ благородными детми» [ПСРЛ 1897, с. 352]. Упоминание имени князя Всеволода Большое Гнездо, его княгини и детей — вставка владимирского летописца. В Летописце Переславля Суздальского

вместо имени Всеволода читаем имя переяславского князя Ярослава Всеволодовича [ПСРЛ 1995, с. 101].

Анализируя житие Андрея Боголюбского и рассказ о его смерти в составе Лаврентьевской летописи, замечаешь какое-то *равнодушие* местного летописца к убитому князю, его церковно-строительной деятельности, даже причина убийства князя не названа им (в отличие от южного летописца); в суздальской летописи, как верно заметил Н. М. Карамзин, «не сказано даже и того, чтобы владимирцы оплакивали великого князя» [Карамзин, стб. 13, примеч. 21]. И наоборот — заметно стремление суздальского летописца выгородить боголюбцев и владимирцев, скрыть путем *умолчания* неблагоприятные их поступки — возможное участие в заговоре, оставление тела убитого князя непогребенным в течение двух дней и ночей, намерение заговорщиков бросить тело князя псам и равнодушие к этому жителей Боголюбова, пьянство боголюбских священников и их отказ принять и отпеть тело убитого князя.

За всем этим вырисовывается определенная архивная и интеллектуальная деятельность в столичных городах Древней Руси: собрание и хранение произведений церковно-житийного и светского характера, использование их в местном летописании, каких-то — полностью, каких-то — частично, комбинирование их (отсюда — повторы в летописных статьях и повестях), приспособление их к политическим интересам местных феодальных центров.

Подведем итог. Повесть об убийстве князя Андрея Боголюбского, дошедшая до нас в составе Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, является сложносоставным произведением. Она включает в себя не одно, а три произведения: житие князя и два рассказа о его убийстве. Житие представляет собой не традиционный агиографический памятник, а повесть, написанную в житийном стиле. Первый рассказ об убийстве князя дошел до нас не полностью — сохранились только его начало и отдельный фрагмент, в котором говорится о грабежах княжеского имения. Этот рассказ является уникальным и, кроме Ипатьевской летописи, нигде более не встречается. Только в нем названа причина убийства князя. Второй рассказ об убийстве князя сохранился полностью и читается как в Лаврентьевской, так и в Ипатьевской летописях. Составители этих летописей приспособляли имевшиеся в их руках житие и рассказы об убийстве князя к местным политическим обстоятельствам, исключали из них те известия, которые в невыгодном свете представляли их сограждан, или же умаляли значение местного феодального центра в сравнении с центром-соперником. Они также дополняли их вставками, прославлявшими их родной стольный град — Киев или Владимир.

Литература

- Адрианова-Перетц — *Адрианова-Перетц В. П.* О реалистических тенденциях в древнерусской литературе (XI–XV вв.) // ТОДРЛ. М.; Л.: Наука, 1960. Т. 16. С. 5–35.
- Бестужев-Рюмин — *Бестужев-Рюмин К. Н.* Русская история. СПб.: Изд. Д. И. Кожанчикова, 1872. Т. 1. 480 с.
- Бурыкин — *Бурыкин А. А.* К текстологии «Повести об убиении Андрея Боголюбского»: Проблемы хронологии двух редакций Повести и оценка вклада автора — зодчего Кузьмища Киянина в варианты текста Повести // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Филологические науки и культурология. 2017. Т. 3, вып. 2 (10). С. 5–13.
- Вилкул — *Вилкул Т. Л.* О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII в. (предварительные заметки) // *Palaeoslavica*. Cambridge, Massachusetts, 2005. Vol. 13, № 1. С. 21–80.
- Воронин — *Воронин Н. Н.* Повесть об убийстве Андрея Боголюбского // История СССР. 1963. № 3. С. 79–98.
- Гиппиус, Михеев — *Гиппиус А. А., Михеев С. М.* «Убийцы великого князя Андрея»: надпись об убийстве Андрея Боголюбского из Переяславля-Залесского // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 2. С. 63–102.
- Еремин — *Еремин И. П.* Киевская летопись как литературный памятник // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 7. С. 67–97.
- Зиборов — *Зиборов В. К.* Русское летописание XI–XVIII веков. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. 512 с.
- Карамзин — *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М.: Книга, 1988. Кн. 1, т. 1–4. XVII, с., 1342 стб. разд. паг.
- Ковалев — *Ковалёв А.* Убийство Андрея Боголюбского и его освещение в памятниках летописания // *Електронны науковы часопіс SCRIPTORIUM: Гісторыя старажытнага свету і сярэдніх вякоў*. Мінск, 2010. № 2 (6). URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/91494>
- Колесов — *Колесов В. В.* Повесть об убиении Андрея Боголюбского // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Л.: Наука, 1987. Вып. 1: (XI — первая половина XIV в.). С. 365–367.
- Кривошеев — *Кривошеев Ю. В.* Гибель Андрея Боголюбского: Историческое расследование. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 240 с.
- Летопись — *Летопись по Ипатскому списку*. СПб.: Изд. Археографической комиссии, 1871. IX, 616, 33, 28, 12 с.
- Лихачев 1947 — *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 499 с.
- Лихачев 1983 — *Лихачев Д. С.* Текстология. Л.: Наука, 1983. 640 с.
- Насонов — *Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начала XVIII в. М.: Наука, 1969. 555 с.
- Приселков — *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 325 с.
- ПСРЛ 1897 — ПСРЛ. СПб.: Изд. Археографической комиссии, 1897. Т. 1: Летопись по Лаврентьевскому списку. 633 с.
- ПСРЛ 1910 — ПСРЛ. СПб.: Изд. Археографической комиссии, 1910. Т. 20: Львовская летопись, ч. 1. 418 с.

- ПСРЛ 1995 — ПСРЛ. М.: Археографический центр, 1995. Т. 41: Летописец Переславля Суздальского (Летописец русских царей). 184 с.
- Рыбаков — *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М.: Наука, 1972. 520 с.
- Серебрянский — *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития: (Обзор редакций и тексты). М.: Синод. тип., 1915. IV, 186, VI с.
- Тихомиров — *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1956. 478 с.
- Филипповский — *Филипповский Г. Ю.* «Повесть об убиении Андрея Боголюбского» и русско-чешские литературные связи раннего периода // *Československa rusistika*. 1986. Roč. 31, № 1. S. 11–17.
- Хрущов — *Хрущов И. П.* О древнерусских исторических повестях и сказаниях: XI–XII столетие. Киев: Университетская тип., 1878. X, 212 с.
- Шахматов — *Шахматов А.А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XV вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 372 с.

References

- Adrianova-Peretts, V. P. (1960). 'O realiticheskikh tendentsiyakh v drevnerusskoi literature (XI–XV veka)', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Moscow; Leningrad: Nauka. Vol. 16, 5–35.
- Bestuzhev-Ryumin, K. N. (1872). *Russkaya istoriya*. Saint Petersburg: Izdanie D. I. Kozhanchikova. Vol. 1, 480 p.
- Burykin, A. A. (2017). 'K tekstologii "Povesti ob ubienii Andreya Bogolyubskogo": Problemy khronologii dvukh redakcii Povesti i otsenka vklada avtora — zodchego Kuz'mishcha Kiyarina v varianty teksta Povesti', *Vestnik Tambovskogo universiteta*. Seriya "Filologicheskie nauki i kul'turologiya". Vol. 3, 2 (10), 5–13.
- Eremin, I. P. (1949). 'Kievskaya letopis' kak literaturnyi pamyatnik', in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 7, 67–97.
- Filippovskii, G. Y. (1986). "'Povest' ob ubienii Andreya Bogolyubskogo' i russko-cheshskie literaturnye svyazi rannego perioda", *Československa rusistika*. Vol. 31, 1, 11–17.
- Gippius, A. A., Mikheev, S. M. (2020). "'Ubijcy velikogo knyazyza Andreya": nadpis' ob ubiistve Andreya Bogolyubskogo iz Pereslavlya-Zalesskogo', *Slověne*. Vol. 9, 2, 63–102.
- Karamzin, N. M. (1988). *Istoriya Gosudarstva Rossiiskogo*. Moscow: Kniga. Vol. 1, 1–4. XVII p.+1342 col. pag. var.
- Khrushchov, I. P. (1878). *O drevneishikh istoricheskikh povestyakh i skazaniyakh: XI–XII stoletie*. Kiev: Universitetskaya tipografiya, X+212 p.
- Kolesov, V. V. (1987). 'Povest' ob ubienii Andreya Bogolyubskogo', in: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Leningrad: Nauka. Vol. 1 (XI — pervaya polovina XIV veka), 365–367.
- Kovalyov, A. (2010). 'Ubiistvo Andreya Bogolyubskogo i ego osveshchenie v pamyatnikakh letopisaniya', *Elektronny navukovy chasopis SCRIPTORIUM: Gistoryya starazhytnaga svetu i syarednikh vyakov* (Minsk), 2 (6). URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/91494>
- Krivosheev, Y. V. (2003). *Gibel' Andreya Bogolyubskogo. Istoricheskoe rassledovanie*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 240 p.

- Letopis' po Ipat'skomu spisku* (1871). Saint-Petersburg: Izdanie Arkheograficheskoi komissii, IX+616+33+28+12 p.
- Likhachev, D. S. (1947). *Russkie letopisi i ikh kul'turno-istoricheskoe znachenie*. Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 499 p.
- Lihachev, D. S. (1983). *Tekstologiya*. Leningrad: Nauka, 640 p.
- Nasonov, A. N. (1969). *Istoriya russkogo letopisaniya XI — nachala XVIII vekov*. Moscow: Nauka, 555 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisei. Vol. 1. Letopis' po Lavrent'evskomu spisku* (1897). Saint Petersburg: Izdanie Arheograficheskoi komissii, 633 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisei. Vol. 20. L'vovskaya letopis'* (1910). Saint Petersburg: Izdanie Arheograficheskoi komissii. Pt. 1, 418 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisei. Vol. 41. Letopisets Pereslavl'ya Suzdal'skogo (Letopisets russkikh tsarei)* (1995). Moscow: Arkheograficheskii tsentr, 184 p.
- Priselkov, M. D. (1996). *Istoriya russkogo letopisaniya XI–XV vekov*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 325 p.
- Rybakov, B. A. (1972). *Russkie letopistsy i avtor "Slova o polku Igoreve"*. Moscow, 520 p.
- Serebryanskii, N. I. (1915). *Drevnerusskie knyazheskie zhitiya* (Obzor redaktsii i teksty). Moscow: Sinodal'naya tipografiya. Pt. 1, IV+186+VI p.
- Shakhmatov, A. A. (1938). *Obozrenie russkikh letopisnykh svodov XIV–XV vekov*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 372 p.
- Tikhomirov, M. N. (1956). *Drevnerusskie goroda*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 478 p.
- Vilkul, T. L. (2005). 'O proiskhozhdenii obshchego teksta Ipat'evskoi i Lavrent'evskoi letopisi za XII vek (predvaritel'nye zametki)', *Palaeoslavica*. Cambridge, Massachusetts. Vol. 13, 1, 21–80.
- Voronin, N. N. (1963). 'Povest' ob ubijstve Andrey'a Bogolyub'skogo', *Istoriya SSSR*, 3, 79–98.
- Ziborov, V. K. (2002). *Russkoe letopisanie XI–XVIII vekov*. Saint Petersburg: Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 512 p.